

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

До свадьбы
заживет

ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова

До свадьбы заживет

Серия «Наследники Остапа Бендера»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989109

Наталья Александрова. До свадьбы заживет: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-61984-9

Аннотация

Лене Маркизу поступил выгодный заказ – он должен украсть в Германии из особняка влиятельного человека бесценное полотно кисти самого Рубенса. Очень прибыльное дело для профессионального мошенника, ведь за работу обещаны немалые деньги. И Леня, наплевав на собственную гордость, с трудом уговаривает бывшую помощницу Лолу помочь ему проникнуть в дом – и парочка берется за дело. Вот только с первых же минут пребывания в чужих апартаментах все пошло наперекосяк. Картины на месте не оказалось, а в довершение всего в поджидающем их автомобиле аферисты обнаруживают еще тепленький труп заказчика и немецкую полицию, у которой имеется к ним масса вопросов...

Наталья Александрова

До свадьбы заживет

По Конногвардейскому бульвару шли два человека. Один из них – невысокий, грузный, сутулый – был здорово пьян. Это угадывалось в мутном взгляде его маленьких красных глаз, в излишней, подчеркнутой точности его походки, в мелком подрагивании длинных обезьяньих рук.

Второй – гибкий, высокий, загорелый, с лишенным возраста смуглым сухим лицом – был совершенно трезв, цепок и наблюдателен, хотя эти двое выпили поровну в полутемном подвальчике с нарочито грубыми, стилизованными под простую деревенскую пивную деревянными столами и лавками.

Сутулому показалось мало выпитого, и они решили продолжить у него дома, благо он был холост, что считал естественным для творческой натуры, и жил неподалеку.

Говорил по большей части он – и о том, как трудно в наше время быть Творцом (непреренно с большой буквы), и о том, что настоящего Искусства (тоже с большой буквы) никто не понимает, вот разве что ты (он обращался при этом к своему смуглому собеседнику, с которым они познакомились на Невском не более двух часов тому назад и который на всем протяжении их знакомства помалкивал и поддакивал).

Когда выпитого в подвальчике оказалось мало, а деньги

предательски кончились, смуглый друг показал спрятанную за пазухой квадратную бутылку «Джони Уокера», и как-то сама собой возникла мысль зайти на Конногвардейский.

– Все бабы – вампиры, – разглагольствовал сутулый творец, ковыряясь в замке погнутым ключом, – они пьют из нас кровь! Духовную кровь, – уточнил он, – ну ты меня понимаешь. Жениться – это значит поселить в своем доме вампира, который каждый день, час за часом будет пить из тебя духовную кровь...

Справившись с замком, творец пропустил своего нового друга в жилище, напоминающее царящим в нем творческим беспорядком то ли палату для буйных в сумасшедшем доме, то ли лавку старьевщика после чекистского обыска.

– Посмотри, там под столом должны быть стаканы, – сообщил он, закрывая за собой дверь, – или под кроватью...

Но новый друг не искал стаканов. Вместо этого он выбросил вперед правую руку, и при этом из рукава с металлическим щелчком выскочило длинное узкое лезвие.

Творец с большой буквы удивленно уставился на своего гостя и проблеял:

– Ты чего-о... да у меня и брать-то нечего...

Но смуглый гость в полемику вступать не стал, он быстрым аккуратным ударом вонзил свое страшное оружие под ребра хозяину, чуть повернул его в ране и резко выдернул, отступив в сторону, чтобы брызнувшая из раны кровь не запачкала его одежду.

Маленькие красные глазки хозяина помутнели, он глухо и обиженно захрипел и повалился на грязный пол своей мастерской, навеки выбыв из непрерывного творческого поиска.

Смуглый гость переступил через его тело, обошел мастерскую, безгласно перешагивая через валяющуюся на полу грязную посуду. Наконец он увидел то, что его интересовало, то, ради чего он два часа выслушивал болтовню своего новоиспеченного друга, теперь уже – новопреставившегося, то, ради чего он пришел в эту ужасную берлогу. Спрятав эту вещь за пазуху, он поднял с пола тряпку неопределенного цвета, с омерзением протер ею те немногие предметы, к которым он прикасался, и покинул мастерскую, торопливо выйдя на свежий воздух.

Есть ли в мире город прекраснее Венеции? Есть ли город ярче и безалабернее, безрассуднее и пышнее? Трудно представить себе, что кто-то здесь живет и работает; кажется, что здесь можно только бездельничать, любясь затхлыми водами лагуны и каналов, сидеть за вынесенным на улицу столиком кафе под арками Прокураций, кормить голубей на площади Святого Марка, слушать, как бронзовые люди старательно отбивают время на башне Оролоджио... Да, прекраснее Венеции может быть только Венеция в дни карнавала.

По набережной Скъявони, по Пьяцетте и площади Сан-Марко текла яркая, бездумная, блистательная толпа, свер-

кая шелками и золотом, стразами и парчой немыслимых костюмов. За столиком кафе, не изменившего свое название и местоположение за последние сто пятьдесят лет, сидел элегантный господин в баутте – самом простом и традиционном костюме венецианского карнавала: черный шелковый плащ, треугольная черная шляпа и закрывающая лицо полумаска с длинным заостренным носом наподобие птичьего клюва. В нарушение канона маска у господина за столиком была темно-серебристой, будто отлитой из тусклого серебра средневековыми мастерами и потемневшей от времени.

Господин потягивал из массивного стакана коктейль «Манхэттен» и лениво рассматривал текущую по площади толпу. Мимо него прошел пышный вельможа восемнадцатого века в шитом золотом камзоле, пудренном парике и лиловой бархатной маске; его спутница была одета в ослепительно яркое индийское сари, на ней была маска, изображающая тигриную морду. За этой парой шли двое обнимающихся юношей в нарядах мавританских пиратов, следом – стройная негритянка в юбочке из страусовых перьев, с безукоризненно прекрасной обнаженной грудью и в маске смерти...

К столику господина в баутте подошел официант и, вежливо склонившись, проговорил по-английски:

– Сэр, не позволите ли посадить к вам за столик даму? В кафе нет больше свободных мест...

Господин взглянул на женщину, следовавшую за официантом, и благосклонно кивнул.

Стройная девушка в костюме придворной дамы Людовика XV, в глубоко декольтированном платье с кринолином и пудреном паричке, с черной мушкой на щеке и в шелковой полумаске, мило улыбнувшись, села за столик и заказала соленую «Маргариту».

Поставив бокал с коктейлем на столик и окинув взглядом блистательную толпу, дама проворковала по-французски:

– Как прекрасна Венеция в дни карнавала!

– О да, – сдержанно согласился господин.

– Летом здесь невыносимо, повсюду преследует запах гниющих водорослей, а сейчас – божественная прохлада, лагуна пахнет свежестью. – Дама развернула кружевной веер и, пару раз взмахнув им, снова сложила, как бабочка складывает крылья.

Господин вежливо улыбнулся, но ничего не ответил.

– Мне часто приходится здесь бывать, – продолжала дама, не обращая внимания на сдержанность своего соседа, – сейчас я приехала, чтобы принять участие в завтрашнем аукционе. А вы, моесь, здесь по делу или просто отдыхаете?

Вопрос был поставлен так, что на него невежливо было бы не ответить или ограничиться ничего не значащим междометием. Господин в баутте мило улыбнулся и ответил даме по-французски, но с довольно заметным мягким акцентом:

– Если бы я был господином Ван Хаасом, я сказал бы: о, какое совпадение! Я приехал тоже ради завтрашнего аукциона. Мы бы мило побеседовали, выпили еще по коктейлю и

перешли в ресторан. Вечер вы закончили бы в его номере, и ты благополучно раскрутила бы Ван Хааса на приличную сумму... Лолка, ты до чего докатилась? У тебя что – совсем деньги кончились? Но это же не твое амплуа!

Последние слова он произнес на чистом русском языке.

«Придворная дама» ахнула, откинулась на спинку стула и уставилась на своего соседа с таким выражением, как будто перед ней были в одном лице тень отца Гамлета и налоговый инспектор.

– Ленька! – воскликнула она, продержав небольшую паузу. – Ты как здесь... ах, официант, сволочь! А он мне сказал, что за этим столиком сидит Ван Хаас...

Господин в баутте, не так давно известный в России как Леонид Марков, а среди близких друзей и коллег по работе – как Леня Маркиз, оглядел свою соседку и усмехнулся:

– Официант не виноват. Я сам попросил его об этой маленькой услуге. Но ты... нет, я не думал, что ты так низко опустишься!

– Да ты что? – Дама перегнулась через столик, щеки ее возмущенно горели. – Как ты мог подумать! Ты что, вообразил, что я опустилась до... почти до проституции? Ты ведь меня знаешь! Я продумала блестящую операцию, просто шедевр! Ван Хаас сам принес бы мне деньги...

– На блюдечке с голубой каемочкой, – насмешливо произнес Маркиз и снял неудобную маску.

– Да, а что? Ты зря смеешься! Я продумала, как можно

кинуть его на аукционе... как минимум сто тысяч!

– Лола! – строго произнес Маркиз. – Ты играешь в слишком опасные игры. Ван Хаас – серьезный человек, его на мякине не проведешь, а пытаться провернуть аферу на здешнем аукционе – это вообще безумие. Организаторы аукционов – настолько тертые и крутые ребята, сами кого угодно кинут. Во всяком случае, в одиночку и без наводки нечего и пытаться влезть в этот гадючник...

– Так что, ты хочешь войти ко мне в долю? Для этого и приехал сюда? – подозрительно произнесла Лола.

– Нет, детка. – Маркиз огляделся по сторонам и, убедившись, что их никто не слышит, склонился к своей визави и сказал: – Я хочу предложить тебе кое-что получше. У меня есть отличная наводка, операция хорошо проработана, и я подумал о тебе. Мы с тобой когда-то отлично работали в паре...

– Ага! – Лола рассмеялась. – Значит, у тебя деньги тоже кончились?

– Не будем о грустном, – Леня махнул рукой официанту, – встретимся завтра в десять утра на террасе отеля «Риальто», я коротко введу тебя в курс дела.

– Так рано? – Лола сморщила носик. – Я так рано вставать давно разучилась!

– Научишься, – строго ответил Леня, – ну ладно, для первого раза пусть будет в двенадцать.

Поздним утром на террасе отеля «Риальто» было довольнолюдно. В особенности это впечатление многолюдности создавала группа американских туристов, сдвинувших вместе два стола и шумно обсуждавших планы на сегодняшний вечер. Кроме них, на террасе завтракала шведская парочка – гренадерского вида девица с длинными бесцветными волосами и такой же длинноволосый парень. Оба были одеты в поношенные джинсы, и парня от девицы отличала только жиденькая борода. В углу, подальше от туристов, солидный пожилой господин читал немецкую газету, и молодой мужчина в светло-бежевом костюме и бордовом галстуке пил кофе по-венски, явно кого-то ожидая.

Лучи утреннего солнца одевали нежным колдовским перламутром стены дворца Барбариго, украшенные мозаичными картинами и уходящие в грязно-зеленую воду Канала. Из-за поворота выплыли две большие гондолы, полные весело галдящими китайскими студентами, устроившими соревнование между своими суденышками. Поднятые гондолами волны плескали в сваи, поддерживающие террасу отеля, усиливая запах моря, запах водорослей и дальних странствий.

Мужчина потягивал кофе и уже два раза посмотрел на часы. Когда он допил кофе и взглянул на запястье в третий раз, у входа на террасу появилась потрясающе элегантная дама в костюме цвета лосося, жаренной на решетке, и в шляпе более темного оттенка. Официант, сопровождающий даму, нес маленькую плетеную корзиночку.

При виде женщины ожидающий ее мужчина рассерженно привстал, но, разглядев получше ее наряд, походку и то, какое впечатление ее появление произвело на американских туристов, шведскую парочку и даже солидного пожилого джентльмена с газетой, неожиданно успокоился, тихонько усмехнулся и спокойно сел на место.

– Ты опоздала, дорогая, – безо всякого выражения заметил он, когда дама приблизилась к его столику.

– Поставьте сюда! – по-французски обратилась дама к официанту, и тот, повиновавшись, машинально отметил, что дама говорит почти без акцента, а у ее приятеля акцент очень заметен.

Официант был выходцем из Польши, но давно жил в Италии и бегло говорил на четырех языках. Он поставил корзиночку на стул из плетеной итальянской соломки, и оттуда тотчас высунулась любопытная мордочка. Дама села, постелила салфетку на соседний стул и сказала нежным голосом:

– Пуишечка, дорогой, можешь сесть сюда!

Она вытащила из корзинки симпатичного песика породы чихуа-хуа. Песик жалобно вздохнул и закатил глаза, едва видные из-за шерсти.

– Устал, дорогой, не любишь сидеть в корзинке? – заговорила дама. – Сейчас отдохнем...

Официант слегка кашлянул, напомнив о себе.

– Мне еще кофе, – распорядился мужчина, – а даме...

– Не надо кофе, – поспешно произнесла дама, – принесите

чай со льдом и орехового печенья.

– Пу И очень любит ореховое печенье, – обратилась она к своему визави, когда официант удалился.

– Кто? – изумился он, переходя на русский.

– Я назвала его Пу И в честь последнего китайского императора, – объяснила дама, тоже переходя на русский, – мне кажется, ему это будет приятно.

– Кому? – удивился мужчина. – Китайскому императору? Он же давно умер...

– Да? – огорчилась дама. – Странно... ну, все равно, это очень красивое имя.

– Лола, – угрожающе начал Маркиз, который, как всегда, не выдержал первым, – ты не могла бы прекратить этот цирк? Наша встреча сегодня сугубо деловая...

– Как будто когда-нибудь это было не так! – с неожиданной досадой ответила она. – Как будто когда-нибудь ты приглашал меня в ресторан просто так, чтобы провести со мной время! Как будто когда-нибудь ты подарил мне хотя бы букет цветов, от души или оттого, что хотел порадовать меня...

Он вскинул на нее удивленные глаза, но вовремя сообразил, что все это тоже актерство, что просто Лола хочет вывести его из себя, сбить с твердых позиций, внести, так сказать, разброд в ряды противника. Зачем? Так уж у них повелось, такие уж у них были отношения с тех самых пор, когда они совершенно случайно познакомились в кафе под названием «Синий попугай». Это было... года полтора назад в да-

лекой России. Он высмотрел тогда Лолу, когда она довольно успешно обирала одного пожилого мерзавца, который был далеко не лохом. У девчонки, несомненно, талант к перевоплощению, это Маркиз понял сразу.

Они познакомились поближе, он взял ее в помощницы и, надо сказать, никогда об этом не жалел. Там, в России, у них были сугубо деловые отношения, основанные на обоюдном доверии.

«В разумных пределах», – с усмешкой добавляла Лола, и этой ее усмешки Маркиз слегка опасался, и, как оказалось, не напрасно. Девчонка была не проста, это-то он понял сразу. Но он не знал тогда, что Лола – вовсе не Лолита, провинциалка, приехавшая в Санкт-Петербург на заработки, а Ольга, начинающая актриса, которая промышляла мелким мошенничеством, для того, чтобы иметь возможность заниматься любимым делом. Она обожала играть, и не только на сцене, вот сейчас он видел перед собой маленький спектакль театра одного актера. Правда, актеров было двое.

При виде официанта с тарелочкой печенья тезка китайского императора перестал закатывать глаза, оживился и даже тихонько гавкнул, за что получил ласковое замечание от хозяйки. Лола стала отламывать маленькие кусочки и давать своему любимцу.

– Может, перейдем к делу? – поинтересовался Маркиз, вдоволь наглядевшись на эту картину.

– Что тебе так не терпится, – недовольно откликнулась

Лола, – неужели так необходимы деньги? Нужно было экономить...

– Что? – чуть не закричал Маркиз, понимая, что Лола все же добилась своего, ей удалось вывести его из себя. – Это говоришь мне ты?

– А в чем дело? – холодно удивилась Лола. – Позволь тебе напомнить, дорогой, что это ты меня искал, стало быть, это именно я тебе нужна. Ты притащился ко мне в Венецию, когда мы с Пу И отдыхали от дел...

– Ах, значит, ты тут отдыхала? – язвительно спросил Маркиз. – И это не ты вчера подседа ко мне, думая, что я – это не я, а банкир Ван Хаас? И это не ты утверждала, что у тебя разработана грандиозная операция с Ван Хаасом на аукционе?

– Ну... с Ван Хаасом была предварительная прикидка, – нехотя призналась Лола, – я не уверена точно...

– Скажи спасибо, что я тебя вовремя остановил, – сказал Маркиз более спокойным тоном.

Официант, принесший счет пожилому немцу, краем уха слышал разговор и расстроился – он понял, что перед ним русские. В свое время, живя в Польше, приходилось ему бывать и в России. От русских жди неприятностей, вон и сейчас этот тип бросает грозные взгляды на свою соседку, а она такая красивая...

Лола промолчала в ответ на последнюю реплику Маркиза, она склонилась к песику и заворковала нежно:

– Хватит, дорогой, много печенья вредно, у тебя от него

заболит животик...

Он послушно оставил печенье и улегся у нее на коленях.

– Хватит придуриваться, – спокойно начал Маркиз, – я знаю, что тебе тоже нужны деньги. Пока они тебе только нужны, но очень скоро будут просто необходимы, потому что свой капитал ты почти потеряла.

– Ну, на черный день-то нам с Пу И немножко осталось... – протянула Лола. – А вообще насчет денег не ты бы говорил, не я бы слушала! Кто потерял все деньги на неудачных биржевых операциях? Может, я?

– Не все, – кротко напомнил Маркиз, – не спорю, на бирже мне не повезло. Но, черт его знает, очевидно, нужны знания и какое-то особое везение, моего, русского везения, не хватило... Но ты-то как распорядилась своими деньгами?

– Я актриса, я хотела играть и играла!

– Угу, – ехидно вставил Маркиз, – тебе мало было играть просто в театре. Ну, финансировала бы какую-нибудь постановку, сыграла бы в ней главную роль! Мюзикл какой-нибудь или драматическую пьесу!

– Что ты понимаешь в театре? – хмыкнула Лола. – Финансировать какую-нибудь паршивую пьеску полуненормального юнца с вечно обгрызенными ногтями? И театрик какой-нибудь задрипанный на пятьдесят человек, да и тех-то нету!

– Однако когда-то в России ты была очень довольна, играя в таком театре.

– Так то когда было, – вздохнула Лола, – и я тогда была совершенно без денег...

– Вот-вот, получив деньги, ты осатанела от тщеславия, тебе было мало играть в обычном театре, тебе подавай что-то грандиозное, такое, чтобы старушка Европа встала с ног на голову и уписалась!

Официант скосил глаза на пару за столиком в углу: не пора ли прийти на помощь даме? Уж больно они кричат... Но дама, похоже, вполне справляется сама.

– Тебе нужна была самая грандиозная постановка! – продолжал Маркиз. – «Федра» на свежем воздухе. Да не где-нибудь, а в самих Афинах!

– А где, по-твоему, нужно ставить «Федру»? – возражала Лола. – Если действие происходит в Древней Греции? В снегах Антарктиды? Или в самом современном квартале Парижа – Ла Дефанс?

– Там еще больше денег потребовали бы, – вздохнул Маркиз, – хотя куда уж больше... Простить себе не могу, что ты уговорила меня вложить туда деньги. И ни хрена эта Европа не уписалась, провалилась твоя «Федра» с большим треском. Денежки ухнули...

– Это потому, что режиссер оказался форменным козлом, – надулась Лола.

– А раньше ты утверждала, что этот режиссер гениален, – напомнил Маркиз.

– Тут я ошибалась, – Лола опустила глаза.

Песик соскочил с колен и перебрался за соседний пустующий столик, где принялся с увлечением теревить оставленную пожилым джентльменом газету.

– Но это еще не все, – зловещим тоном продолжал Маркиз, – после провала несчастной «Федры» ты и не подумала взять себя в руки! Ты выкопала откуда-то этого грека и пустилась во все тяжкие!

– И ничего подобного! – вскричала Лола. – Он сам меня нашел! Он был мне утешением в то тяжелое время, поскольку ты наорал на меня после провала постановки и исчез в неизвестном направлении!

– Еще бы не наорать, когда благодаря твоей глупости я потерял триста тысяч долларов!

– Благодаря своей глупости ты потерял намного больше, – ехидно напомнила Лола.

– И не только утешением был этот грек, – так же ехидно ответил Маркиз, – потому что совершенно заморочил тебе голову и уговорил купить коллекцию древнегреческой керамики, которая якобы осталась от его умершего дяди... Он обещал, что поможет тебе выгодно продать ее в Европе. И что оказалось? Коллекция была сплошь поддельной, а на одной вазе даже стояло клеймо супермаркета в Пирее! И красавец грек исчез в ту же минуту, как ты это обнаружила!

– Да уж, – Лола рассмеялась, – это верно, просто бесследно растворился в воздухе.

– Конечно, я понимаю, что при убеждении он использо-

вал не слова, а другие аргументы, – недовольно продолжал Маркиз.

– Да, ты помнишь, как изумительно он был сложен? – мечтательно протянула Лола.

– Откуда мне помнить, – вскипел Маркиз, – когда я его видел один раз мельком, причем одетого?

– Как античный герой... – не слушая, говорила Лола.

Взгляд ее затуманился, и от этого Маркиз пришел в самую настоящую ярость.

– Немедленно прекрати! – прошипел он. – Мне это надоело.

Она взглянула на него из-под полуприкрытых ресниц и удовлетворенно вздохнула: усилия увенчались успехом, он в ярости. Хотя зачем она этого добивалась, Лола и сама не смогла бы объяснить.

Между ними всегда имело место какое-то странное соперничество. Нет, в делах Лола беспрекословно ему подчинялась, она была сдержанна и послушна, четко выполняла все его указания, еще не хватало устраивать выяснение отношений в процессе работы! Надо сказать, что указания его выполнять было нетрудно: Маркиз умел четко поставить задачу. Он всегда сам разрабатывал их операции там, в России, не доверяя никому, кроме нее, Лолы. И она никогда его не подводила. Им славно работалось вместе, пока все не пошло наперекосяк из-за золотой статуэтки ассирийской богини. И Маркиз тогда проявил себя отлично, он спас ей жизнь, чего,

надо сказать, Лола не ожидала – у них не было на это договора. Втайне она надеялась, что он не бросит ее на растерзание бандитам, и Леня ее не подвел. Все кончилось хорошо, они сумели добыть кучу денег, но здесь, в Европе, у них не стало точек соприкосновения. Дела больше не связывали, а расставаться не хотелось. Казалось бы, чего проще просто сказать об этом, но каждый ждал такого шага от другого и не хотел начинать первым. Ольга, именно Ольга, а не Лола, то есть та, кем она была по-настоящему, точно знала, что Леонид не сделает первого шага сам никогда. Она знала это с тех пор, как сама оттолкнула его после того, как он спас ей жизнь. Такой удобный был случай – он понял бы, что она не сложила оружия, не подчинилась ему, а просто испытывает благодарность. Но нет, ей и тогда захотелось поиграть. И все, Маркиз замкнулся в себе и ограничил общение только делом.

Поэтому Лола и позволяла себе капризничать, устраивать театр одного актера – чтобы привести его в ярость, вытащить из его раковины. Но все было напрасно, Маркиз держался отлично. Вот и сейчас – разъярился, но быстро успокоился. Держит себя в рамках, рука, сжимающая кофейную чашку, даже не дрожит.

Они молчали, глядя друг на друга, песик с китайским именем в это время в упоении рвал газету. Подошел официант и нерешительно склонился над собачкой.

– Мадам! – воззвал он. – Скажите вашему песику, чтобы

он...

В это время Пу И изловчился и цапнул зазевавшегося официанта за палец. Тот взвыл от неожиданности.

– Пуишечка, детка! – вскричала Лола и вскочила, опрокинув стул. – Что он тебе сделал? Тебе больно?

Песик визжал, непонятно, от страха или от восторга, официант позабыл про все и разглядывал покусанный палец. Лола пыталась взять Пу И на руки, он не давался, официант метнулся за корзинкой и опрокинул на костюм цвета лосося, жаренной на решетке, целый стакан чая со льдом.

Лола, взглянув на костюм, потеряла дар речи, даже песик замолчал, официант молитвенно сложил руки, но очнувшийся Маркиз одним прыжком оказался рядом, схватил Лолу за руку, а другой рукой сгреб со стула лохматого хулигана. Официант заметил на столе брошенные деньги и успокоился – русский оставил солидные чаевые.

– Черт знает что такое! – ворчал Маркиз на ходу. – Ты из всего умудряешься сделать балаган!

– Действительно, а еще приличный отель! – вторила ему Лола. – Совершенно распустили прислугу! Я буду жаловаться! Медведь косолапый, а не официант!

– Да прекрати ты, он понимает по-русски!

– Ты думаешь? – удивилась Лола.

– Не думаю, а знаю, – раздраженно ответил Маркиз.

– Тогда пойдем ко мне в гостиницу, а то здесь совершенно негде поговорить.

Маркиз затолкал в корзинку послушного песика, и беспокойная пара покинула террасу отеля «Риальто».

Номер у Лолы был так себе, средней руки, и Маркиз еще раз удостоверился, что дела ее идут не блестяще.

– Посиди здесь, мне нужно переодеться! – заявила Лола. – И Пу И должен принять ванну!

– Пу И обойдется! – сказал Маркиз таким тоном, что Лола не посмела спорить: она знала, когда нужно остановиться.

Через пятнадцать минут – рекордный срок – Лола явилась из ванной. На ней был надет коротенький полупрозрачный пеньюар черного цвета. Пу И, до этого удобно устроившийся на коленях Маркиза, резво вскочил и метнулся в сторону – он понял, что надвигается гроза.

– Тебе не холодно? – осведомился Маркиз чуть хриловато.

– Ах, что ты, здесь так жарко, – томно вздохнула Лола и раскинулась в кресле. – Я слушаю тебя, – добавила она, видя, что он непроизвольно отводит глаза.

– Речь идет о краже. Меня навели на заказчика верные люди.

– Драгоценности? – оживилась Лола. – Бриллианты?

– Да нет. Я тут произвел предварительную прикидку и думаю, что речь идет о картине.

– Картине, – недовольно протянула Лола, – музей, что ли...

– Нет, подозреваю, что частный дом. Точно знаю, что это

в Кельне. Нужно ехать в Германию.

– Как неохота в Германию, – заныла Лола, – Пу И не любит Германию, и Австрию тоже, Пу И любит Венецию.

– Опять ты начинаешь. – Леня встал и отвернулся к окну, потому что Лола в кресле выглядела слишком уж вызывающе.

Она изогнулась, пытаясь разглядеть себя сзади. Лицо ее приняло озабоченное выражение.

– Какой ужас! – встревоженно пробормотала она. – Кажется, у меня целлюлит... Ленечка, посмотри, пожалуйста, мне плохо видно...

Она делала вид, что полностью поглощена разглядыванием собственной попы, и не заметила, как блеснули у него глаза. Одним прыжком он оказался возле кресла, схватил Лолу, ловко уткнул ее голову в подушку кресла и свободной рукой отлупил по тому самому месту, где она пыталась разглядеть несуществующий целлюлит. Все произошло очень быстро и в полной тишине. Лола не успела подготовиться. Рука у Маркиза оказалась тяжелой, чувствовалось, что он не шутит. Лола пыталась визжать, но подушка заглушала звуки. Когда же ей удалось вырваться, она укусила Маркиза в руку и возмущенно заорала:

– Синяки же будут!

– Будут, – согласился Маркиз, морщась и потирая руку.

– И сидеть не смогу!

– А тебе и не нужно сидеть, тебе нужно работать, – он

усмехнулся, разглядев следы своей ладони на ее теле. — Лола, как это ни противно тебе признавать, но во всей Европе сейчас я единственный мужчина, которому ты нужна. Нужна для серьезного дела, так что не отмахивайся и возьми наконец себя в руки.

Лола угрюмо молчала, но, услышав стон из спальни, стремглав бросилась туда.

— Ты испугал Пу И, — с упреком сказала она Маркизу, вынимая мокрого песика из-под кровати, — он даже описался.

— Да ну? — удивился Маркиз. — Трусика, иди сюда, не трону... — Он подхватил собачку и унес.

Пу И все-таки пришлось принять ванну, то есть Маркиз просто прополоскал его под краном, невзирая на протесты. Когда он вернулся с мокрым комочком, завернутым в полотенце, то застал Лолу полностью одетой, подкрашенной, и даже беспорядка в комнате не наблюдалось. Игры кончились, понял Маркиз.

— Самолет вылетает через два часа, — сказал он, — билеты я забронировал заранее.

Лола скрылась за дверцей шкафа. Он заранее забронировал билеты, значит, был полностью в ней уверен! Несмотря на все ее капризы, он ни минуты не сомневался, что она бросит все и помчится за ним, куда бы он ни позвал! Какова самоуверенность! Но... Лола помедлила немного. Леня ведь прав, что только она ему нужна. И ей совершенно некого и нечего бросать. Из близких у нее только собачка Пу И. Ло-

ла поглядела на свое отражение в зеркале и поняла, что она ужасно соскучилась по Лене.

– Что ты там копаешься? – напомнил он о себе недовольно.

– Иду, мой повелитель! – весело ответила она. – Лечу на крыльях любви и падаю!

Вдоль бесконечной набережной Рейна вытянулась линия уличных кафе, точнее, пивных, «Биргартен», как их называют в Германии – столики, столики, столики, и за каждым столиком – жизнерадостное немецкое семейство со всеми своими детьми и со всеми своими стариками пьет свое воскресное пиво и ест свиные отбивные. И даже немецкие откормленные собаки участвуют в этом празднике жизни – тут же, под столом, под ногами хозяев грызут аппетитные косточки, которые вынес им добродушный пузатый кабатчик.

– Здесь мы должны расстаться, – вполголоса сказал Маркиз, хотя вся эта пьющая, едящая и поющая немецкая толпа создавала такой гвалт и гомон, в котором вряд ли кто-нибудь мог их подслушать.

– Сейчас я встречаюсь с заказчиком, а после этой встречи за мной наверняка будет установлена слежка. Так что отправляйся по этому адресу, – он вложил Лоле в руку картонный квадратик, – номер забронирован и оплачен. Встречаемся в четыре часа в соборе Святого Мартина, первая справа кабинка для исповеди на французском языке.

Проследив за тем, как Лола исчезает в нарядной воскресной толпе, Маркиз нашел в ряду однотипных заведений пивную со своеобразным названием «Лунная свинья». Войдя внутрь, он попросил кружку пива и сел к стойке, выложив перед собой номер лондонской «Таймс». Через полчаса к нему подсел плотный лысый господин в твидовом пиджаке и, скосив глаза на газету, сказал на хорошем английском:

– Приятно встретить здесь соотечественника.

– «Таймс» читают не только англичане, – ответил Маркиз условной фразой.

– Тем более особенно приятно встретить иностранца, который читает «Таймс».

Маркиз поставил кружку и вышел из пивной. Господин в твидовом пиджаке нагнал его и сказал вполголоса:

– Первый переулочек налево.

В переулке стоял припаркованный вишневый «Фольксваген». Твидовый господин распахнул дверцу и предложил Лене сесть на переднее сиденье. Устроившись рядом, он представился:

– Шульц. Мне говорили о вас друзья и рекомендовали как человека ловкого и осторожного. То, как вы похитили ассирийскую статую из бронированной машины...

– Не будем говорить о прошлом, – Леня скромно потупил глаза, – давайте лучше поговорим о будущем.

Шульц достал из кожаного «дипломата» лист тонкой бумаги и протянул его Маркизу:

– Когда изучите этот план и запомните его, как собственную задницу, сожгите.

Леня положил план на колени и внимательно всмотрелся в него.

– Что это за здание? – поднял он наконец взгляд на собеседника.

– Особняк Гюнтера Тизенхаузена. Старинная семья, большое состояние, красивый дом. Ваша цель – в кабинете хозяйина.

– «Голубой Рубенс»? – полуутвердительно произнес Маркиз.

Шульц кивнул, с уважением взглянув на Леню:

– Я вижу, вы разбираетесь в искусстве.

– Нет, я просто готовился к нашей встрече и изучил возможные... направления работы.

– Хорошо, – Шульц кивнул, – тем проще нам будет разговаривать. Четырнадцатого сентября у господина Тизенхаузена будет прием по поводу дня рождения его дочери. Это удобно: много людей, много шума, охрана будет отвлекаться. Вы войдете здесь, – Шульц указал кончиком карандаша точку на плане, – и окажетесь в подвале здания. Это окошко будет заранее подготовлено, сигнализацию отключат в шесть часов. Вы пройдете здесь, здесь и здесь, – карандаш пробежал по плану, – и окажетесь в коридоре перед кабинетом. Вам останется только открыть замок, отключить сигнализацию, войти и взять картину...

– Герр Шульц, и за эту прогулку вы готовы выложить двести тысяч долларов? Согласитесь, это выглядит подозрительно! Все подготовлено, окошко открыто, план нарисован, остается открыть одну дверь... это может сделать кто угодно, для этого не нужно было приглашать меня. В конце концов, вы это могли сделать самостоятельно...

– Посмотрите на меня, – усмехнулся Шульц, – я старый и толстый. Когда вы попадете в этот подвал, то поймете, что пройти там не так уж просто, это только на плане все легко выглядит. Кроме того, дверь кабинета вам придется открыть самому и снять с сигнализации...

– Какой замок на двери и какие типы сигнализации использованы?

Шульц протянул Лене маленький листок с текстом и схемой. Маркиз внимательно просмотрел записи, поднял на собеседника недоверчивый взгляд и хотел еще что-то сказать, но тот предупредил его:

– Да в конце концов, что я вас уговариваю! Если не хотите работать, я найду другого исполнителя! – Шульц протянул руку за планом.

– Нет-нет, – Маркиз спрятал бумаги за пазуху, – я не отказываюсь. Простите мои вопросы, я очень осторожно отношусь ко всякому новому делу... А как насчет аванса?

– Сколько вы хотите? – недовольно спросил Шульц.

– Четверть.

– Пятьдесят тысяч? Об этом не может быть и речи! Два-

дцать – это предел!

Маркиз кивнул, и Шульц вытащил из-под сиденья плотный бумажный пакет.

Лола вошла в исповедальную кабинку с табличкой «Французский язык» и негромко проговорила:

– Грешна, святой отец.

– В чем ты согрешила, дочь моя? – послышался из-за деревянной шторы хрипловатый голос с сильным акцентом.

– Не покормила утром свою собачку... – едва слышно прошептала девушка голосом кающейся грешницы. – А еще я собираюсь помочь одному симпатичному негодяю обокрасть достойного гражданина...

– Помочь другу – это не грех, – проговорил «святой отец», – а вот не накормить собаку – это ужасно! Как ты до этого опустилась, дочь моя?

– Шучу, шучу, святой отец, не накормить собаку – на такое даже я не способна!

– Лгать на исповеди – это страшный грех! – сурово заключил «исповедник». – Сорок раз прочти «Отче наш». А теперь запоминай, – голос Маркиза стал деловым и решительным. – Вот план дома, – в щели деревянной шторы появился лист бумаги, – внимательно изучи и сожги его. Видишь красный крестик в левом верхнем углу? Эту дверь ты мне должна будешь открыть без семи минут двенадцать. Запомни – без семи двенадцать! Если ты откроешь раньше, это об-

наружит охранник, который проходит здесь без восьми минут, если позже – я окажусь в ловушке.

– Очень мило, – Лола уставилась на чертеж, – а как я сюда попаду?

– Легко, – Маркиз просунул сквозь шторку еще один листок, – вот рекомендательное письмо от владельца бюро по найму прислуги. Четырнадцатого сентября в доме герра Тизенхаузена будет прием, для которого приглашают временный персонал. Поработаешь один день горничной в приличном доме.

– Отлично! – Лола голосом изобразила энтузиазм. – Я как раз подумывала о том, чтобы сменить профессию. Горничная – это то, о чем я мечтала всю жизнь, а после дома герра Тизенхаузена меня охотно возьмут куда угодно! Это просто прорыв в моей карьере.

– Вот и славно.

Из плетеной корзинки, стоящей рядом с Лолой, послышалось тихое поскуливание.

– Пуишечка! – проворковала Лола. – Дорогой, ты же знаешь, что в церкви надо соблюдать тишину! Ты обещал мне, что будешь хорошим мальчиком!

Пу И никак не хотел успокоиться, и Лола скорбным голосом проговорила:

– Вынуждена покинуть вас, святой отец, если вы закончили свои наставления, меня призывают мирские дела.

– Не забудь – откроешь дверь без семи минут двена-

дцать! – напутствовал ее «святой отец».

Лола приблизилась к особняку Тизенхаузенов. Трехэтажное старинное здание впечатляло своей монументальностью. Возле дома был разбит цветник, на клумбах сейчас, в сентябре, привольно расположились яркие осенние цветы. Был даже небольшой фонтан. Все это Лола разглядела через витую чугунную решетку, которая отгораживала дом Тизенхаузенов от остального мира.

Лола миновала ворота и, остановившись возле калитки, нажала на кнопку звонка. На звонок вышел толстый охранник. Потирая красную шею, он хмуро осведомился, кто Лола такая и что ей нужно. Лола сделала испуганный вид и протянула охраннику свою рекомендацию из агентства по найму прислуги.

– Мне говорили, что в дом нужна горничная... – прошептала она, опустив глаза.

Охранник ознакомился с рекомендацией, потом окинул взглядом девушку. Для визита Лола выбрала темненький скромненький костюмчик, но юбка открывала колени, и недорогие туфли все же выглядели вполне прилично на стройных ножках. Охранник задержался похотливым взглядом в вырезе костюма, потом перевел взгляд на ноги. Видимо, он остался доволен, потому что велел Лоле обойти дом и позвонить в дверь черного хода.

– У нас сегодня прием, прислугу набираем из ресторана

«Бахус», но, возможно, тебя возьмут убирать в комнатах сегодня и завтра. Поговори с господином дворецким.

— Благодарю вас, — Лола отважилась поднять глаза и робко улыбнулась охраннику.

— Ну-ну, девочка, будь смелее, мы тут не кусаемся. Ты откуда, из Польши? — очевидно, он уловил легкий акцент.

— Да. — Лола снова опустила глаза.

В Германии полно поляков, поэтому охранник не удивился.

— О, я люблю польских девушек! — захохотал он. — Если будешь ласкова с дядей Вилли, я замолвлю словечко, и господин дворецкий возьмет тебя на постоянную работу.

На прощанье он похлопал Лолу по многострадальной попе.

«Врет все, свинья жирная, — обозленно подумала Лола, уходя, — станет его слушать господин дворецкий!»

Господин дворецкий выглядел едва ли не величественнее, чем сам герр Тизенхаузен, во всяком случае, гораздо надменнее. Он придиричливо оглядел Лолу, причем совершенно не с тем выражением, с каким глядел на нее похотливый любитель польских красоток старина Вилли. Господин дворецкий глядел на Лолу как на какое-нибудь невредное насекомое — божью коровку или ночного мотылька, случайно залетевшего в дом. Потом он поднял глаза к небу, брезгливо пожевал губами и сказал, что если бы не прием, он ни за что не взял бы в дом какую-то польку с сомнительными рекомен-

дациями, но видит бог, ему не хватает прислуги, и поэтому он берет Лолу на три дня с испытательным сроком. Потом он предложил такую мизерную оплату, что, если бы Лола была на самом деле бедной польской девушкой без работы, она плюнула бы господину дворецкому в морду и немедленно ушла, хлопнув дверью. Но в данном случае она продолжала стоять навтыжку, скромно теребя сумочку, и господин дворецкий милостиво сказал, что она принята.

«Сквалыга немецкий! – подумала Лола и благодарно улыбнулась господину дворецкому. – Небось уволит через три дня, но мне-то это все равно...»

Лола поступила в распоряжение госпожи экономки, та выдала ей форму горничной – темно-синее платье с глухим воротом и белый передник – и велела приступать к работе немедленно.

Маркиз неторопливой прогулочной походкой завернул за угол и оказался возле задней стены особняка Тизенхаузенев. Заметив издали отмеченное на плане подвальное окошко, он направился к нему, осторожно оглядываясь по сторонам. Улица была совершенно пустынна – скучные немцы давно уже разошлись по домам. В конце улицы промелькнули огни полицейской машины и скрылись за углом.

Маркиз наклонился и нажал на раму окошка. Шульц не обманул: рама легко поддалась, и окно открылось. Маркиз скользнул в темноту ногами вперед, повис на руках и спрыг-

нул, не представляя себе, что окажется под ногами. Внизу был бетонный пол, высота приличная, но Маркиз мягко спружинил и не ушибся. Он включил фонарик и осмотрелся.

Узкий темный коридор уходил в обе стороны вдоль стены здания, по противоположной его стороне проходили водопроводные трубы и электрические кабели. Леня раздвинул складной шест вроде телескопической указки и закрыл за собой окошко, чтобы оно не привлекло чьего-нибудь внимания.

План дома стоял у него перед глазами. Маркиз двинулся вдоль водопроводных труб налево. Отсчитав двадцать шагов, подтянулся на трубах и заглянул за них. В стене было круглое отверстие, в которое с трудом мог протиснуться человек. В это отверстие уходила жила силового кабеля.

Леня ловко перебросил свое худощавое тренированное тело через трубы и вполз в круглый канал. Внутри было жарко, душно и так тесно, что едва удавалось ползти. Маркиз представил себе в этой трубе пузатого Шульца и усмехнулся. Да, тому непременно нужно было нанять для этой работы человека помоложе и половчее вроде Маркиза...

Леня полз по тесной трубе, и в душе его росло смутное беспокойство. Что-то было не так, что-то было неправильно.

Конечно, когда ты ползешь по узкому кабельному каналу в подвале чужого богатого дома – это может вызвать беспокойство в отличие от воскресной прогулки в парке, но Леня чувствовал, что его смущает какое-то несоответствие в

окружающем.

Наконец он понял, что его беспокоит. В трубе, по которой он полз, было слишком чисто, в ней почти не имелось пыли. Конечно, немцы очень аккуратны, но трудно поверить, что эти маниакальные чистюли доходят до того, что ежедневно пылесосят кабельные каналы в подвалах... Здесь кто-то прополз незадолго до Маркиза, прополз и собрал всю пыль, как кошка, которую запускают в трубу телескопа, чтобы почистить ее изнутри.

Труба внезапно оборвалась, и Маркиз, посветив перед собой фонариком, увидел большое подвальное помещение, стены которого терялись в темноте. Осторожно выскользнув из трубы, он уцепился за свинцовую оплетку кабеля и нащупал ногами бетонный пол.

В этом помещении было прохладнее и заметно более влажно, чем в прежнем. Леня, чьи чувства обострились от ощущения опасности, уловил едва заметный запах табака. Посветив фонариком по сторонам, он никого не увидел, но в подвале было множество ниш и углублений, в которых легко мог спрятаться человек, и даже не один. Обдумав свое положение, Маркиз решил, что если здесь кто-то есть, если здесь – ловушка, то нападения следует ждать на обратном пути, когда он будет возвращаться с картиной... А Леня принципиально не любил возвращаться той же дорогой, какой пришел, и заранее принял меры, чтобы не делать этого.

Он осветил фонариком потолок и увидел квадратное вен-

тиляционное отверстие, обозначенное на плане Шульца. До него было около трех метров. Достав из кармана моток прочного шнура с маленьким якорем на конце, Леня раскрутил его и забросил в отверстие на потолке. Якорь упал, не зацепившись. Леня повторил попытку, и на третий раз якорь зацепился. Потянув веревку и убедившись, что она выдержит его вес, Маркиз вскарабкался по ней и нырнул в вентиляционный ход.

Какое-то время он полз по трубе, наклонно поднимавшейся вверх, потом она стала почти горизонтальной, а после, наоборот, устремилась вверх почти под прямым углом. Труба была достаточно узкой, и Леня полз по ней, упираясь в стенки локтями и коленями.

Труба снова повернула, сделавшись горизонтальной, и через какое-то время впереди мелькнул свет. Леня прополз еще несколько метров и оказался возле забранного решеткой вентиляционного отверстия. Осторожно выглянув в него, Леня увидел коридор, устланный ворсистым оливковым ковром. Вспомнив план Шульца, он сообразил, что находится в северном крыле здания и до кабинета хозяина нужно проползти еще метров двадцать. Скользнув в темную трубу, он пополз вперед, стараясь не шуметь. Внизу раздались приглушенные звуки голосов и шаги. Маркиз замер, чтобы не выдать своего присутствия. Шаги и голоса затихли, и он пополз дальше.

Впереди снова замаячил слабый свет. Приблизившись к

нему и выглянув в щели решетки, Маркиз понял, что находится у самой цели – возле кабинета герра Тизенхаузена.

Достав из кармана отвертку, он вывернул винты и снял вентиляционную решетку. Мягко спрыгнув на пол, огляделся.

Он находился в таком же коридоре, устланном пушистым оливковым ковром и залитом мягким светом от золотистых бра на стенах. С одной стороны коридор поворачивал к западному крылу дома, где размещалась знаменитая библиотека Тизенхаузенов, с другой была видна лестничная площадка, откуда доносился приглушенный расстоянием гул человеческих голосов – звуки бурлящего на первом этаже праздника. Прямо перед собой Маркиз увидел резную дубовую дверь, ведущую в святая святых – кабинет хозяина.

Маркиз вспомнил описание системы сигнализации, которое давал ему Шульц. К счастью, серьезная система, предусматривающая датчики, реагирующие на изменения объема в помещении и на ничтожное повышение температуры при появлении в комнате человека, включалась только ночью, когда в доме оставались лишь его постоянные обитатели. Сейчас работали только контактные датчики, срабатывающие при открывании дверей, и фотоэлемент, реагирующий на каждого, кто слишком близко подойдет к гордости хозяина – бесценному полотну Рубенса «Кающаяся грешница», больше известному среди коллекционеров как «Голубой Рубенс» из-за своего колорита, необычного для картин вели-

кого фламандца.

Маркиз достал из кармана две узкие металлические пластинки и, отметив на двери точки расположения контактных датчиков, осторожно вставил пластинки в зазор между дверью и косяком, прикрепив их к двери и тем самым заблокировав датчики. Затем он вставил в замочную скважину свой любимый инструмент – уникальную электронную отмычку, открывающую любые типы замков. В свое время Леня заплатил за эту отмычку цену неплохого автомобиля, но ни разу не пожалел о такой серьезной трате.

Прибор тихо жужжал, и замок щелкнул. Дверь кабинета открылась. Маркиз вошел.

Большое помещение было едва освещено сочащимся сквозь шторы светом уличных фонарей. В темноте тускло отсвечивали золоченые переплеты книг в небольшом шкафу и парадные мундиры предков хозяина на развешанных по стенам комнаты фамильных портретах.

Утопая ногами в глубоком ворсе ковра, Леня двинулся в сторону камина, над которым должен был висеть «Голубой Рубенс». Прежде чем пересечь невидимую преграду инфракрасного луча, защищающую Рубенса от нежелательных посетителей, он включил фонарик и осветил стену над камином.

И тут он похолодел. Картины на стене не было.

Крюк, на котором она прежде висела, как гнилой зуб, торчал из светлой стены, казавшейся в свете фонаря ослепитель-

но-белой, но сама картина отсутствовала.

Маркиз понял, что его заманили в ловушку, и в то же мгновение услышал приближающиеся по коридору к двери кабинета шаги нескольких человек. Леня быстро пересек кабинет и открыл занавешенную портьерой маленькую дверь, ведущую напрямую, минуя коридор, в тизенхаузеновскую библиотеку. Захлопнув дверь за собой, он пересек темное пространство библиотеки, уставленное еле различимыми стеллажами с тысячами старинных томов, и подошел к той маленькой дверце, которую ему должна была открыть Лола.

Он радовался, что предусмотрел такой путь отхода. Когда Маркиз обдумывал эту операцию, он заранее собирался уходить не тем путем, которым пришел, только из своей всегдашней осторожности. Теперь, когда кабинет Тизенхаузена оказался ловушкой, которая едва не захлопнулась за ним, а на пути через вентиляционный ход и подвал его наверняка ждала вторая ловушка, в которую он должен был попасть, если бы ему удалось убежать из кабинета, второй, заранее предусмотренный им путь отхода должен был стать спасительным.

Леня дернул за ручку двери. Дверь была заперта. Он посмотрел на часы, циферблат которых светился в темноте. На часах было уже без шести минут полночь.

Лола прислонилась к подоконнику в небольшом коридо-

ре первого этажа и утомленно вздохнула. Она просто падала с ног от усталости – в доме Тизенхаузендов прислугу умели заставить работать. Сначала ее послали украшать столовую и зал к вечернему приему. Нужно было развесить по стенам чуть ли не сотню гирлянд из живых цветов. После двухчасового лазанья со стремянки на пол и обратно ноги дрожали и плохо сгибались в коленях.

Потом дали перекусить черствой вчерашней булочкой и чашкой жидкого кофе и послали помогать на кухню. Лола просилась в буфетную чистить серебро, потому что буфетная была ближе к заветной цели – библиотеке, но экономка сказала, что она не может доверить фамильное серебро Тизенхаузендов незнакомому человеку. Пришлось Лоле разбить тарелку и опрокинуть кастрюлю с соусом, после чего взбешенный повар сказал, чтобы духу ее на кухне не было, а экономка прошипела, что за тарелку у нее вычтут из жалованья.

В результате Лола все же попала на второй этаж особняка, к чему и стремилась так упорно. План она помнила прекрасно и без труда нашла дверь библиотеки. Однако ей нужна была не главная дверь, а другая, маленькая и незаметная, которая выходила в крошечный коридорчик и была заперта. Из коридорчика узкая витая лестенка вела на первый этаж, заканчивалась дверью, которая выходила на улицу. Эта дверь была заперта изнутри на огромный засов, открыть ее не составляло труда. Лоле же нужно было без семи минут полночь отпереть маленькую дверь библиотеки, которая по странно-

му капризу строителей особняка отпиралась только из коридора. Если открыть ее раньше, бдительное око господина дворецкого или охранника, изредка проходившего по коридору, могло заметить непорядок.

Лола исследовала засов, смазала его и дверные петли, убедилась, что он легко открывается и не скрипит; при этом ее едва не засекла экономка.

До самого вечера Лола вкалывала на втором этаже – пылесосила ковры, протирала пыль, вешала занавески. Обед был так же скуден, как и завтрак, и в Лолину измученную голову стали закрадываться крамольные мысли. Так, например, она думала, что русские крестьяне, поджигавшие в восемнадцатом году барские усадьбы, были не очень не правы. И еще она думала, что общество, где нет слуг и господ, гораздо гуманнее и прогрессивнее.

В десятом часу вечера горничных отпустили немного передохнуть, с тем чтобы после трех ночи, когда закончится прием и уйдут последние гости, они сразу же приступали к уборке помещений на первом этаже.

В половине двенадцатого Лола прокралась на второй этаж. Она решила находиться поблизости от заветной двери. Было тихо, свет горел вполнакала, гости заканчивали ужин, с первого этажа слышались звуки музыки. Лола сняла белый передник и спряталась в самый темный угол коридорчика. Потом ей показалось, что снизу, с лестницы, раздастся какой-то подозрительный скрип. Лола выскользнула из ко-

ридорчика и свесилась вниз. Никого не было. Над входной дверью тускло горел плафон. С первого этажа послышался взрыв смеха и веселые возгласы. Лола завернула за угол и лицом к лицу столкнулась с тем самым охранником Вилли, который утром разговаривал с ней у парадного входа.

– Что ты тут делаешь? – нахмурился было он, и Лола затараторила быстро-быстро, не давая ему опомниться:

– О, господин Вилли, простите мне мою смелость... Я, конечно, нарушила правила, но мне так хотелось поскорее вас поблагодарить за все, что вы для меня сделали...

Он был в темном костюме и белой рубашке, Лола сразу поняла, что он не просто так прогуливается, а именно он сегодня патрулирует этот участок дома. И хотя при его габаритах размеры пиджака исключали возможность разглядеть спрятанную под мышкой кобуру, Лола не сомневалась, что пистолет у Вилли был.

– Господин дворецкий обещал, что меня возьмут в штат, – болтала Лола, – ах, я вам так благодарна, господин Вилли!

Лола готова была поклясться, что Вилли забыл о ней, как только утром она повернула за угол, но строила из себя наивную дурочку. Охранник Вилли был парень не промах. Он сразу сообразил, что можно использовать ситуацию с пользой для себя, тем более что гулять ночью по пустым коридорам ему было невыносимо скучно. Он улыбнулся и потрепал Лолу по щеке.

– Я очень рад за тебя, девочка, вижу, что ты умеешь быть

благодарной.

Поскольку он всерьез остановился и не делал попыток двинуться дальше, Лола улыбнулась ему как можно ласковее и шагнула ближе. Вилли провел рукой по ее шее и сделал попытку добраться до груди, но форменное платье имело достаточно глухой ворот, и ему это не удалось. Лола положила руки ему на плечи и взглянула на наручные часы – без десяти двенадцать.

– Как ты мила, – бормотал Вилли, – такая свеженькая, вкусно пахнешь...

От него самого несло капустой и сосисками с перцем, Лола едва терпела. Он не уйдет отсюда без нее, поняла она в смятении, а времени для того, чтобы спровадить его и вернуться, у нее не осталось – без семи минут дверь должна быть открыта, иначе она подведет Маркиза.

Лола слегка отстранилась и улыбнулась Вилли как можно непристойнее.

– Ах, чертовка, ты меня возбуждаешь! – Он прижал Лолу к себе и жадно ошупал ее грудь. – Что за несносная форма у наших горничных, не поймешь, где застежка...

Застежка была сзади, и Вилли просто дернул как следует воротник. Посыпались крючки и кнопки.

– Ой, Вилли, мне попадет! – пискнула Лола.

– Ничего-ничего, – бормотал он, уже плохо соображая от возбуждения, а сам теснил ее в угол коридорчика, в самый темный угол.

Лола поняла, что нужно действовать, тем более что на часах было уже без шести минут, и ей показалось даже, что Маркиз уже тихонько дергает дверь с той стороны. Лола ловко обошла толстого запыхавшегося Вилли, так что он повернулся и теперь стоял спиной к заветной двери. Лола прижалась к нему и призывно повела бедрами, отчего Вилли совсем потерял голову. Он зажмурился с блаженной улыбкой на лице, и Лола тихонько подтолкнула его к самой двери. Теперь следовало прижаться к нему как можно крепче и, делая вид, что обнимаешь, повернуть за спиной Вилли засов на двери.

«Черт, боров какой, – мысленно охая, думала Лола, пытаясь дотянуться до засова, – отъелся на сосисках, не обхватить никак...»

Она напряглась и повернула засов. В ту же секунду Вилли пришло в голову, что успешнее будет добраться до Лолиного тела снизу. Чувствуя, как юбка лезет вверх, Лола подалась назад, чтобы освободить Маркизу выход. Вилли давил на нее всей массой, она уперлась в противоположную стену коридорчика, притянула его к себе за шею, чтобы не вертел головой, и впилась в губы.

Боковым зрением, а скорее шестым чувством Лола видела, как Маркиз выскользнул из-за двери и снова запер ее за собой.

– О, Вилли, мы же не можем здесь, – простонала Лола, но Вилли уже осатанел от желания.

Его руки добрались наконец до ее тела, и Лола почувствовала, что его жадное и горячее естество готово пробить все преграды.

– Но, Вилли...

Он так вжал ее в стенку, что не оставил свободы маневра, вырваться из-под этой туши Лола и не пыталась. Однако он отстранился на секунду, только чтобы расстегнуть брюки. Этого Лоле оказалось достаточно.

– О, Вилли, Вилли... да мать твою! – рявкнула она по-русски и с размаху всадила ему коленом в вожделеющую мужскую плоть.

Он мгновенно согнулся и вырубился от боли и шока. Еще до того, как он упал, Лола сложила руки замком и стукнула его по шее, как учил ее когда-то Маркиз. Вряд ли такому бугаю, как Вилли, стало хуже от ее удара. Он икнул и осел на пол. Лола перепрыгнула через его бесчувственную тушу и, не помня себя, рванула следом за Маркизом к выходу из особняка.

В темной глубине библиотеки двенадцать раз гулко пробили часы. Скрипнула открывшаяся дверь кабинета – та, через которую Маркиз прошел несколько минут назад. Послышались голоса и шаги входящих в библиотеку людей.

– Он должен быть здесь! – произнес кто-то по-немецки. – Где этот чертов выключатель?

Маркиз в отчаянии снова дернул ручку двери... и дверь

легко распахнулась.

Выскочив в коридор, Маркиз увидел рядом с дверью широкую спину охранника и отшатнулся. Но охраннику, похоже, не было никакого дела до своих непосредственных обязанностей. Он прижал к стене постанывающую Лолу и слился с ней в жарком поцелуе. Маркиз усмехнулся, захлопнул за собой дверь библиотеки, задвинул засов и побежал к винтовой лестнице. Распахнув входную дверь особняка, он выбежал на улицу. Быстрым шагом, но стараясь сохранять внешнюю благопристойность, чтобы не привлечь внимания случайных прохожих, Маркиз устремился в соседний переулок, где он оставил купленную накануне по дешевке подержанную машину. Не успел он дойти до угла, как сзади послышалось цоканье женских каблучков. Оглянувшись, Леня увидел догоняющую его Лолу, красную и растрепанную.

– Ты куда? – сердито бросил он ей. – Возвращайся в дом, пока тебя не хватились.

– Мне никак нельзя возвращаться! – чуть ли не в слезах выкрикнула Лола, едва поспевая за ним. – Ты что, не мог мне помочь? Этот боров едва меня не трахнул!

Маркиз только махнул рукой.

Свернув за угол, он увидел темный силуэт «Опеля» и в два больших шага подлетел к машине. Протянув руку к дверце, застыл на месте. На переднем сиденье рядом с местом водителя сидел человек – лысый толстяк в твидовом пиджаке...

– Какого черта, Шульц? – возмущенно выкрикнул Мар-

киз, распахнув дверцу. – Как вы объясните...

Слова застряли у него в горле. Шульц сидел, неподвижно уставившись перед собой широко раскрытыми неживыми глазами. На его виске темнела неровная рана, обрамленная сгустками запекшейся крови.

Маркиз отшатнулся от трупа, резко втянув воздух сквозь сжатые зубы, и повернулся к Лоле:

– Это ловушка, беги!..

Но бежать было уже поздно. Вспыхнули ослепительные лучи автомобильных фар, и Лола с Маркизом замерли в их мертвенном свете, как артисты на сцене в финале кровавой трагедии.

– Стоять неподвижно! – прогремел усиленный мегафоном голос. – Руки положить на крышу автомобиля!

Тяжелой походкой неотвратимого рока к ним приблизились двое немецких полицейских, обшарили наглыми руками, защелкнули на запястьях наручники, грубыми толчками загнали в полицейский микроавтобус с зарешеченными окнами и повезли под завывание sireны по темным пустым улицам.

Короткая поездка, снова – грубые руки, толчки, ступени, ярко освещенные коридоры полицейского участка, пустая голая комната, направленная в лицо лампа...

– Вы хотите сделать заявление?

– Нет.

– По какой причине вы убили Гельмута Ланга?

– Не знаю такого.

– Человек, найденный мертвым в вашей машине.

– Я его не убивал.

– Вы задержаны на месте преступления. На орудии убийства – ваши отпечатки пальцев...

– Какое орудие убийства?

– Разводной ключ.

– Я его не убивал.

– Вы хотите сделать заявление?

Лолы рядом не было, Маркиз понял, что их развели по разным комнатам и ее сейчас тоже допрашивают. Свет лампы резал глаза, хриплый голос бил и бил по барабанным перепонкам:

– Что вы делали в доме господина Тизенхаузена?

– Я там не был.

– Что вы знаете о краже картины Рубенса «Кающаяся грешница»?

– Ничего не знаю.

– Гельмут Ланг был вашим сообщником?

– Я не знаю такого.

– Вы хотите сделать заявление?

– Нет.

– Ваша сообщница все нам рассказала!

– Что именно?

– Вы хотите это узнать?

– Мне все равно.

– Вы хотите сделать заявление?

– Нет.

– Вы хотите... – Нет... – Вы... – Нет...

Лампа погасла, воцарилась блаженная тьма. Раздались шаги. Маркиз приоткрыл измученные глаза. Один человек вышел из комнаты, другой вошел – худощавый, невысокий, сутулый, с кривым носом и насмешливым длинным лицом.

– Вы понимаете, господин Марков, – начал вошедший, не успев сесть на жесткий стул, привинченный к полу, – вы понимаете, что положение ваше незавидно. На основании многочисленных улик вас признают виновным в убийстве Гельмута Ланга.

– Я его не убивал, – устало повторил Маркиз.

Кривоносый поморщился:

– Да не повторяйте вы это как попугай. Это вам не поможет. И совершенно неважно, убили вы его или нет. Вас хотят трахнуть – и вас трахнут! Для этого есть все возможности. Версия будет такая: вы в сговоре с Лангом украли из дома Тизенхаузенов картину, не поделили ее с соучастником и убили его. Картину, кстати, вы успели куда-то спрятать. Девушка, которая была с вами, тоже получит приличный срок за соучастие. Поймите, господин Марков, вы здесь, в Германии, чужие, и вы никому не нужны. С вами сделают все, что захотят.

– Я так понимаю, – проговорил Леня, облизав пересохшие губы, – что вы – тот самый добрый дядя, которому я нужен

и который по этой причине хочет мне помочь?

– Я не добрый дядя, – кривоносы́й усмехнулся, – я деловой человек, и я хочу предложить вам сделку.

– Я с удовольствием послушаю, что вы хотите мне предложить, только, знаете ли, обсуждать деловые предложения как-то приятнее без наручников. Я, конечно, понимаю, что не в моем положении диктовать условия, но думаю, что снять с меня наручники, дать мне стаканчик кофе и назвать свое имя – это вполне в ваших силах.

Кривоносы́й господин усмехнулся, чуть склонил голову и нажал кнопку звонка. На пороге вырос двухметровый, коротко стриженный орангутанг в полицейской форме и впросительно взглянул на кривоносо́го, потирая пудовые кулаки.

– Э... офицер, снимите с заключенного наручники и принесите ему кофе. Мне тоже.

«Он не из полиции, иначе знал бы, как зовут офицера, – сообразил Ленья, – но при этом достаточно влиятелен для того, чтобы ему приказывать. Кто же это такой?»

Орангутанг разочарованно засопел, но беспрекословно подчинился. Маркиз потерял руки и, пока детина ходил за кофе, с интересом разглядывал своего визави.

– Вы можете называть меня герр Вольф, – насмешливо проговорил тот.

– Думаю, это не настоящее ваше имя, но сойдет и такое.

– Конечно, ведь вам нужно как-то ко мне обращаться.

Как, кстати, вы называли покойного Гельмута Ланга?

– Никак, – Маркиз поморщился, – я его ни разу не видел до сегодняшней ночи.

– Как хотите, как хотите...

Орангутанг принес два пластмассовых стаканчика скверного кофе и удалился.

– Итак? – проговорил Маркиз, прихлебывая горячую бурду. – Зачем я вам понадобился?

– Дело в том, – начал Вольф, откинувшись на спинку неудобного стула и обхватив тонкими руками колено, – что у господина Тизенхаузена было две дочери.

Пауза затянулась, и Маркиз, чтобы прервать ее, спросил:

– Какое отношение ко мне имеет состав его семьи?

Герр Вольф прикрыл глаза тяжелыми веками и продолжил:

– Его младшая дочь пребывает в добром здравии и находится в родительском доме, старшая же несколько месяцев назад погибла. Погибла она у вас, в России. Господин Тизенхаузен очень тяжело переживал смерть дочери, что, однако, не помешало ему получить очень большую страховку. А некоторое время назад мы получили косвенную информацию о том, что девушка жива. Да, я не сказал вам, что представляю страховую компанию, которая выплатила страховку.

– Какой, однако, удивительной властью обладают в вашей стране страховые компании! – с иронической усмешкой произнес Маркиз. – Вы можете даже приказывать офицерам по-

лиции!

– Я же сказал, что мы выплатили *очень* большую страховку. А большие деньги – это большая власть.

– Так чего же вы хотите от меня? – устало проговорил Маркиз.

– Мы хотим, чтобы вы с вашей подругой поехали в Россию и нашли фрейлейн Тизенхаузен. Или неопровержимое подтверждение ее смерти. Лучше – ее саму.

– Как же получилось, что вы заплатили страховку, не убедившись в смерти девушки?

– Безусловно, мы получили достоверные доказательства. Если мы с вами найдем общий язык, я ознакомлю вас с ними. Но любые доказательства могут оказаться фальсифицированными. Поэтому я и сказал вам, что лучшим результатом вашей поездки будет живая фрейлейн Тизенхаузен.

– Что будет со мной и с Лолой, если я откажусь от вашего предложения? – осведомился Леня.

Герр Вольф пожал плечами:

– Трудно сказать... Возможно, десять лет, возможно, больше... Я не берусь предсказывать решение суда. Девушка, как сообщница, получит несколько меньше.

Маркиз допил остывший кофе и поморщился:

– То есть, герр Вольф, вас следует понимать так, что вы делаете мне предложение, от которого я не смогу отказаться.

– Отчего же? – Вольф насмешливо пожал плечами. – Пока человек жив, у него всегда есть выбор.

– Это всего лишь цитата, – пояснил Маркиз, – в моей любимой книге «Крестный отец» старый гангстер называл так предложение, сделанное под дулом пистолета.

– Вы видите у меня в руках пистолет? – Герр Вольф высоко поднял руки. – Я принципиально никогда не ношу оружия.

– Ладно, оставим эту пикировку, – Маркиз поставил на пол пластмассовый стаканчик, – если уж вы не оставляете мне выбора, давайте хотя бы перенесем наш разговор в более приятное место, а то сами эти стены, – Леня обвел рукой унылую комнату, выкрашенную в безнадежный и официальный грязно-зеленый цвет, – сами эти стены внушают мне пессимизм и неуверенность в будущем.

Через час Маркиз, Лола и герр Вольф сидели в гостиничном номере, потягивая настоящий, хорошо заваренный мокко. Лола была в халате, с головой, обернутой полотенцем на манер тюрбана, – она сказала, что не способна разговаривать ни о каком деле, пока не смоет с себя запах полицейского участка, а Маркиз потребовал ее участия в разговоре, заявив, что она – его полноправный партнер и поэтому должна выслушать весь рассказ из первых уст.

– Итак, – начал герр Вольф свой рассказ, – старшая дочь господина Тизенхаузена, фрейлейн Моника, была девушкой увлекающейся, темпераментной и всегда доставляла своему отцу немало забот. Молодежь, знаете ли... как говорят у вас в стране, – проблема отцов и детей. Наркотики, сомнитель-

ные связи, криминальные знакомства... когда наша компания готовила страховой полис фрейлейн Моники, – предупредил герр Вольф возможные вопросы о причинах своей осведомленности, – мы собрали о ней достаточно полное досье. Надо сказать, что господин Тизенхаузен – очень покладистый и любящий отец, он всегда вытаскивал фрейлейн Монику из всех неприятностей, в которые она попадала, и не слишком стеснял ее свободу... Может быть, ему и следовало бы проявить больше твердости... Так или иначе, несколько месяцев назад фройляйн Моника познакомилась с одним из ваших соотечественников и уехала с ним в Россию...

Герр Вольф задумчиво уставился на противоположную стену и надолго замолчал. Не дождавшись продолжения его монолога, Маркиз вопросительно произнес:

– И после этого поступило сообщение о ее гибели?

– Нет, – герр Вольф поднял глаза, как будто оторвавшись от неприятных размышлений, – прежде поступило сообщение о ее бракосочетании. Фрейлейн Моника стала гражданкой Кузовковой... Или у вас сейчас принято говорить – госпожой?

– Безразлично, – Маркиз пожал плечами, а Лола, до этого всеми силами изображавшая обиду и равнодушие, при словах о бракосочетании прекратила полировать ногти и с интересом прислушалась к рассказу немца.

– Конечно, это сообщение было несколько... неожиданным, и герр Тизенхаузен не слишком радостно встретил его –

безусловно, он мечтал о другой партии для своей дочери или хотя бы желал познакомиться с ее будущим мужем прежде свадьбы, да и присутствовать на свадьбе дочери тоже не возражал бы; но, в конце концов, фрейлейн Моника преподнесла ему и не такие сюрпризы, и он смирился с происшедшим, ожидая возвращения Моника с ее русским мужем. Однако время шло, а молодожены и не думали возвращаться в Германию. А по прошествии полутора месяцев несчастный отец получил известие о том, что госпожа Моника Кузовкова погибла в автомобильной катастрофе...

– Вместе с мужем? – заинтересованно осведомилась Лола.

– Хороший вопрос, – Вольф внимательно посмотрел на девушку, – нет, мужа в автомобиле не было. Он остался жив.

– Получил ли этот русский муж какую-нибудь выгоду от смерти своей молодой жены? – спросил Маркиз.

– Это еще лучший вопрос, – глаза герра Вольфа удовлетворенно блеснули, – господин Кузовков, русский муж фрейлейн... пардон, фрау Моника, ничего не приобрел в результате смерти своей жены. Брачный контракт не составлялся, и адвокаты господина Тизенхаузена готовы были оспорить любой иск со стороны господина Кузовкова, но он даже не предпринимал никаких шагов в этом направлении. Страховая компания отправила в Россию своего представителя, который должен был удостовериться в том, что погибшая – это именно урожденная Моника Тизенхаузен. Но к тому времени, как он прилетел в Санкт-Петербург, останки покойной

были уже кремированы. Наш представитель разговаривал с господином Кузовковым и со следователем, который вел дело о гибели Моники.

– Как явствует из предоставленных документов, труп был очень поврежден, обгорел, но муж опознал Монику по некоторым характерным деталям. Кроме того, на теле были найдены ее украшения – цепочка, кольцо, браслет... короче, опознание было проведено с соблюдением всех требований закона.

– Почему ее так поспешно кремировали? – перебил Вольфа Маркиз.

– Таково было пожелание мужа, – протянул герр Вольф, – следствие не видело причин откладывать кремацию, а немецкая сторона не успела вовремя вмешаться из-за... из-за некоторой бюрократической неповоротливости, – закончил он неохотно.

– Итак, – промолвил Маркиз, не дождавшись продолжения, – ее кремировали; что же было дальше?

– Наш представитель настоял на том, чтобы увезти урну с прахом покойной в Германию для захоронения в семейном склепе Тизенхаузенев. Муж сначала возражал, но его убедили.

– Представляю себе! – ехидно вставил Маркиз.

Герр Вольф, не обращая внимания на его язвительную реплику, продолжал:

– Наша компания выплатила отцу покойной страховку, и

дело было закрыто. Но спустя некоторое время, а точнее – две недели назад, господин Тизенхаузен получил по почте конверт, в котором была фотография. Судя по этой фотографии, можно утверждать, что Моника была жива, во всяком случае, еще некоторое время после автомобильной катастрофы и после официального признания ее мертвой.

Господин Тизенхаузен обратился к нашей компании, заявив, что, как честный человек, обязан возвратить полученную страховку, естественно, при том условии, что мы найдем его дочь. Вот, собственно, краткая предыстория событий...

Герр Вольф замолчал, налил в стакан минеральной воды и сделал большой глоток.

– Вы покажете нам фотографию, которая подняла весь этот переполох? – спросил Маркиз.

– Конечно. – Герр Вольф открыл «дипломат» и выложил на стол большой фотографический снимок.

На этом снимке был виден выставочный зал, на стене которого висела фотография в узкой белой раме. Фотография, в свою очередь, изображала снятую вполоборота обнаженную девушку, прикрывшую лицо журналом «Плейбой». Девушка была спортивна, худощава, мускулиста. Узкие мальчишеские бедра, маленькая, почти неразвитая грудь, при этом ее тело самой своей позой, умело схваченной фотографом пластикой излучало удивительную женственность, сексуальность и даже порочность. Лицо ее было почти полностью закрыто журналом, только рыжие, коротко стриженные

волосы выглядывали из-за глянцевой обложки, как языки пламени вырываются из полуприкрытой печи.

– Это точно она? – спросил Маркиз, с трудом отведя взгляд от фотографии.

– Да, несомненно, – кивнул герр Вольф, – кроме того, что это ее телосложение, ее волосы, главное – на плече очень характерное родимое пятно, вот, взгляните.

Немец протянул Маркизу лупу. Леня поднес увеличительное стекло к плечу девушки на фотографии.

Небольшое пятнышко, которое он видел и невооруженным взглядом, при многократном увеличении оказалось родимым пятном, напоминающим неровную четырехконечную звезду.

– Отец Моники не сомневается в том, что на фотографии – его дочь, – негромко проговорил герр Вольф.

– А дату вы определяете исходя из номера журнала, который она держит в руке? – Интонация Маркиза была полупросительной.

– Да, – герр Вольф кивнул, – этот номер «Плейбоя» вышел через неделю после автокатастрофы, в которой Моника якобы погибла.

– Для девушки, разбившейся в машине и кремированной через три дня, она выглядит очень неплохо, – резюмировал Маркиз.

Лола придвинула фотографию к себе, ревниво осмотрела девушку и презрительно бросила:

– Ничего особенного, обыкновенная тощая лахудра.

Леня снова склонился над снимком. Рядом с фотографией в белой раме был виден край окна и чье-то плечо, с другой стороны – часть другой фотографии и спина зрителя, оставившегося в полуобороте и с кем-то беседующего.

– Вам удалось узнать, что за помещение изображено на снимке? – спросил Маркиз своего собеседника.

– Нет еще, – герр Вольф откинулся на спинку стула, – с этого вы и начнете вашу работу в Петербурге.

– А вы уверены, что этот зал – в Петербурге?

– Не вполне уверены, но это кажется мне наиболее вероятным. Моника улетела со своим будущим мужем именно в Петербург, там был зарегистрирован их брак, там произошла автокатастрофа, в которой она якобы погибла... Во всяком случае, мне кажется наиболее целесообразным именно отсюда начать ваши поиски.

– Так! – Маркиз в упор посмотрел на немца. – Вот мы и пришли к самому интересному. Почему мы?

– Что вы имеете в виду?

– Именно то, что сказал, – Маркиз поднял голову и в упор поглядел на Вольфа, – за каким чертом, господин Вольф, вам понадобился именно я и моя партнерша? Почему вам нужно привлечь к этому делу именно нас, а для этого провести такую трудоемкую операцию с подставой? Почему бы вам просто не отправить своего представителя, чтобы он совершенно официально обратился там, в России, в соответствующие

органы и потребовал официального расследования?

– Ну, во-первых, вряд ли присланная герру Тизенхаузену фотография явится для компетентных органов достаточным основанием для того, чтобы возбудить расследование.

– Это точно, – побормотала Лола, разглядывая снимок.

– Во-вторых, вы, я думаю, не станете спорить, что дело это имеет несомненный криминальный уклон. И привлекать к нему внимание русской милиции, возможно, нецелесообразно. Пронюхают журналисты, а господин Тизенхаузен во-все не желает, чтобы вся эта история стала достоянием гласности...

– Господин Тизенхаузен беспокоится, не влипла ли его доченька в какую-нибудь сомнительную историю... – язвительно проговорила Лола.

Герр Вольф оглянулся, но никак не прокомментировал ее замечание.

– Расследование должно быть неофициальным и сугубо конфиденциальным, – продолжал он, – о ваших способностях, господин Марков, я наслышан. Я считаю, что вы – самый подходящий человек для этого дела... но, насколько мне известно, у вас в России были некоторые неприятности с влиятельными людьми...

«Интересно, откуда он все знает про нас с Лолкой? – думал Маркиз. – Кто он вообще такой? И самое главное – кто его навел на меня? Кого он имеет в виду под влиятельными людьми? Неужели он знает подробно всю историю про ста-

туэтку ассирийской богини и то, какую роль в этой истории играл Зарудный?»

– Вряд ли вы согласились бы просто так поехать в Россию, пришлось вас немного подстегнуть, – проговорил Вольф.

«Ничего себе, – подумал Маркиз, – это он называет подстегнуть!»

– Вы удовлетворены моими объяснениями? – спросил Вольф с некоторым недовольством в голосе.

– Не совсем, – ответил Маркиз, – потому что в вашу концепцию никоим образом не вписывается убийство Шульца – то есть это мне он представлялся Шульцем, на самом деле он Гельмут Ланг. Допустим, через него меня пытались подставить, он был очень убедителен, а я – неосторожен и поверил в его наводку насчет «Голубого Рубенса». Вы можете говорить что угодно, но я-то знаю, что не убивал господина Ланга. И повздорить мы с ним из-за картины не могли, потому что картины не было...

– В смерти Гельмута Ланга повинны вы! – заявил Вольф. – Если бы вы следовали предложенному плану, вас бы ожидали внизу и взяли с поличным в подвале. Доказательства налицо: вор забрался в особняк Тизенхаузенев, приличный тюремный срок был бы вам обеспечен.

«Но не десять лет за убийство», – подумал Маркиз.

– Вы же предпочли действовать по своему плану, это, кстати, лишний раз доказывает, что я в вас не ошибся. Пришлось и нам перестраиваться по ходу дела...

«Значит, они не подслушивают этот разговор, – сообразил Маркиз, – иначе Вольф не стал бы говорить так свободно. Либо же он ничего не боится. Во что же мы с Лолой влипли?»

– На сегодня достаточно, – заявил герр Вольф, – думаю, вам следует отдохнуть, дама очень устала.

Лола действительно демонстративно зевала.

– Я должен обдумать все, – сказал Маркиз.

– Выбора все равно у вас нет, этот номер будет охраняться. Не сомневаюсь, что если вы захотите, то сможете обмануть охрану, но имейте в виду: если завтра утром вас не окажется здесь, то полиция возьмется за вас всерьез. Пока что дело об убийстве Гельмута Ланга приостановлено, и от вас зависит, дадут ему ход или нет.

– Незачем напоминать еще раз, я вам верю, – отмахнулся Маркиз. – Я имел в виду, что должен обдумать все детали предстоящей операции. Завтра я задам вам много вопросов. А также мы должны обсудить кое-какие гарантии с вашей стороны.

– Ну-ну, – усмехнулся герр Вольф, поворачиваясь к двери, – там посмотрим...

Маркиз встал, чтобы запереть дверь за Вольфом. После бессонной, полной событиями ночи ему хотелось принять ванну и лечь в постель, хотя на дворе уже рассветало. Требовалось хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию, но

это лучше сделать на свежую голову, после допроса в полиции он плохо соображал.

Маркиз закрыл дверь, повернулся, и тут же ему в голову полетела керамическая пепельница.

– Ты что, с ума сошла? – Он еле успел увернуться, и пепельница разбилась о дверь. – Ты же убить меня могла!

– Тебя не убить, тебя четвертовать надо! А потом скормить кости бродячим собакам! А потом сжечь и прах развеять по ветру! – кровожадно заявила Лола, и, поскольку он ничего не ответил, она продолжала, набирая обороты: – Подумать только, он еще посмел отчитывать меня за операцию с Ван Хаасом! Он, видите ли, считает, что на аукцион лучше не соваться! Там меня, видите ли, мигом обвели бы вокруг пальца! А сам-то, козел! – Лола кричала теперь в полный голос.

Она кружила вокруг Маркиза, как пантера, но подходить боялась, зная, что в ближнем бою он сильнее. Можно, конечно, расцарапать ему физиономию, но этого лучше не делать – ни к чему портить лицо, это может помешать им в аэропорту. Поскольку Маркиз стоял, не отвечая, только внимательно следил, чтобы в голову ему не попало что-нибудь тяжелое, Лола продолжала тоном ниже:

– Все из-за тебя! Все мои неприятности из-за тебя! Такое замечательное могло бы выгореть дельце с Ван Хаасом! Так нет, тебе нужно было притащиться в самый неподходящий момент и все испортить! Венеция! Город моей мечты! Кар-

навал, музыка, богатые беспечные люди! Все веселятся, развлекаются, никто не думает о деньгах... тут-то и стричь их, как баранов! Но нет, нам нужно громкое дело! Воровать, так миллион, спать, так с самой королевой!

– Хватит ворчать, надоело, – спокойно сказал Маркиз.

– Я еще и не начинала! – огрызнулась Лола.

– Я спать хочу!

– Подождешь! – рассвирепела Лола. – Я вот, например, вообще спать не смогу, потому что ребенок отдан в чужие руки!

– Какой еще ребенок? – оторопел Маркиз.

– Пу И я отдала в собачий пансионат! Не могла же я тащить его в дом этих Тизенхаузенгов, это опасно!

– Да уж, если бы тот мордovorот на него случайно сел... – усмехнулся Маркиз.

– И не напоминай мне о Вилли! – Лола аж задохнулась от злости.

– Кстати, как ты от него избавилась? Кажется, парень был настроен весьма решительно...

– Дала по яйцам, – кровожадно заявила Лола, – кстати, и тебе бы неплохо дать...

– Ой, ой! – Леня скривился. – Я себе представляю!

– Да будет тебе известно, – продолжала Лола, чуть успокоившись, – что Пу И очень нервная, ранимая собака. Он не может долго быть один, а без меня и двух дней не проживет! И если с ним что-нибудь случится, я никогда тебе этого не

прошу!

– Ты что, собираешься тащить его в Россию? – изумился Маркиз. – Или ты не поедешь?

– Как это я не поеду? – снова заорала Лола. – Куда это, интересно, я денусь?

– Да уж, деться тебе действительно некуда, – вздохнул Маркиз.

– Вашими заботами, – буркнула Лола и отвернулась.

Когда она скрылась в спальне, Леня тихонько просочился в ванную, быстро принял там душ и вернулся. Когда он опасливо отворил дверь спальни, Лола сидела на краю кровати и читала старый журнал, который отыскала в тумбочке.

– Лола, – покаянно произнес Леня и сделал два шага по направлению к кровати.

Лола делала вид, что не слышит.

– Прости меня, девочка, – Маркиз присел на кровать, – я, конечно, виноват во всем. Я втравил тебя в это. Расслабился тут от сытой жизни, потерял квалификацию...

– Позволил себя поймать...

Ободренный ее спокойствием, он придвинулся ближе и прилег рядом.

– И теперь придется возвращаться в Россию. И дело это какое-то непонятное... очень оно мне не нравится...

– Благодаря тебе у нас нет выбора, – скрипучим голосом сказала Лола. – Если бы хоть когда-нибудь ты послушал меня...

– Если бы я хоть раз послушал тебя, мы сейчас сидели бы в такой заднице... – запальчиво начал Маркиз и даже приподнялся на локте, но тут же сник и ткнулся головой в подушку.

– Вот именно, – усмехнулась Лола, – как будто сейчас мы не находимся в этой самой заднице, причем очень глубокой...

Леня не отвечал.

– Ничего, – Лола обхватила его голову и положила к себе на колени, – как-нибудь справимся... Знаешь, я так по дому соскучилась! Надоела Европа эта до чертиков! Все скучные такие... только о деньгах и думают! Поговорить не с кем, повеселиться...

Маркиз повернул голову, устраиваясь поудобнее.

– А такой ты мне больше нравишься, – говорила Лола, поглаживая Леню по мокрым волосам, – когда не ругаешься и не воспитываешь... Вот поедem домой, и вообще мне больше нравилось, когда мы с тобой там работали... интереснее как-то жилось... Ты, Ленечка, вообще-то славный, раньше мы отлично ладили! Ты умный, голова в критических ситуациях варит отлично, так что не расстраивайся, выпутаемcя как-нибудь...

Она замолчала, ожидая ответных ласковых слов, но он что-то подозрительно надолго затих. Лола наклонилась ближе и осторожно повернула его голову.

Маркиз крепко спал.

Лола закусила губу, потом осторожно переложила его го-

лову на подушку. Он спал, как ребенок, и дышал ровно. Значит, он ничего не слышал, а она-то распиналась все это время, ворковала, старалась его поддержать в трудную минуту!

Лола схватила вторую подушку и собиралась было двинуть Ленку по голове. Но, посмотрев еще раз на его спокойное во сне лицо, усмехнулась, укрыла Маркиза одеялом, легла рядом и тоже уснула.

– Радость моя, проснись! – услышала Лола знакомый голос.

Она поморщилась и попыталась закрыться подушкой.

– Котенок, надо вставать, уже пора... – Маркиз попытался пощекотать ее, но Лола ловко увернулась и откатилась на другой конец кровати.

– Вставайте, государь, вас ждут великие дела! – провозгласил Маркиз и добавил тем же тоном: – А иначе я вылью прямо в кровать твой апельсиновый сок.

Лола со стоном села на кровати и открыла глаза. Все тело болело после вчерашней тяжелой физической работы. Маркиз, чисто выбритый и в свежей рубашке, улыбался ей как ни в чем не бывало.

– Я заказал завтрак на свой вкус, – обратился он к Лоле, – сейчас принесут, а ты пока приведи себя в порядок.

– Но мне нечего надеть, кроме платья горничной, – капризно протянула Лола.

Вместо ответа Маркиз повернул ее голову. В углу спальни

стояли чемоданы.

– Они собрали все наше барахло и принесли сюда.

– Эти козлы рылись в моих вещах! – вскипела Лола, но спустила ноги с кровати.

Когда она вернулась из ванной, Маркиз завтракал. Он с аппетитом поглощал яйца с беконом, потом намазал пшеничный тост толстым слоем масла, сверху выдавил черничный джем и вылил в кофе солидную порцию сливок.

Лола поморщилась, глядя на жирный бекон.

– Так много ешь, а с виду не скажешь! И потом, это же сплошной холестерин!

– Я трачу много нервной энергии, – с набитым ртом ответил Ленья, – и потом, должен же человек съесть свой последний европейский завтрак!

– Думаешь, в России не завтракают? – усмехнулась Лола.

– Знаю я, как в России завтракают – пива на опохмелку выпьют, вот и весь завтрак!

Лола маленькими глотками пила апельсиновый сок и думала о чем-то весьма напряженно.

– Тебя ничего не настораживает в этой истории?

– Все, – ответил Ленья, – меня настораживает все, но об этом мы поговорим в более спокойной обстановке.

Она поняла: Маркиз все же боится подслушивающих устройств, и ей, Лоле, надо поменьше болтать и побольше слушать.

– Какие у нас планы? – тихонько спросила она.

– Думаю, что все решат за нас, – ответил Маркиз и допил кофе.

Через пять минут в номер вошел герр Вольф. Остатки завтрака унесли, Маркиз сидел в кресле и читал утреннюю газету.

– Там пока нет ничего про убийство Гельмута Ланга, – многозначительно произнес герр Вольф, – все дальнейшее зависит от вас. Итак...

– Итак, я хотел бы уточнить некоторые немаловажные детали. Моника Тизенхаузен, или как там ее по-русски, погибла...

– Двадцать девятого июня этого года, кремировали ее через неделю, пятого июля.

Маркиз снова положил перед собой снимок.

– Девушка держит июльский номер «Плейбоя», таким образом, она никак не могла быть сфотографирована раньше начала июля... когда он там в России выходит?

– Не раньше десятого числа, – авторитетно ответила появившаяся из спальни Лола.

На ней был лиловый длинный халат, расшитый золотыми драконами, волосы заколоты высоким гребнем со стразами. Она нарочно встала у окна, так что стразы в свете утреннего солнца ярко искрились. Герр Вольф взглянул на девушку и слегка поморщился: стразы слепили ему глаза. Лола подмигнула Маркизу и села в кресло.

– Далее, герр Тизенхаузен получает по почте вот эту фо-

тографию. На ней снята часть экспозиции какой-то выставки. Какого числа пришел пакет из России?

– Двадцать седьмого августа, – послушно ответил Вольф и протянул Маркизу конверт. Обычный желтый конверт для бумаг, адрес напечатан на машинке.

– Обратный адрес, естественно, вымышленный, – протянул Маркиз, – улица Холмогорова, дом пятнадцать...

– Мы проверили, в Санкт-Петербурге нет такой улицы, – герр Вольф наклонил голову.

– У вас совершенно нет никаких предположений по поводу того, кто мог прислать герру Тизенхаузену эту фотографию?

– Абсолютно, – ответил тот, – хотя... вряд ли это вам поможет... мы тщательно исследовали конверт, так вот, он источает достаточно сильный аромат кофе.

Маркиз понюхал конверт и покачал головой.

– Разумеется, запах выветрился, пока конверт лежал на почте, и сейчас уже прошло две недели, – сказал Вольф, – но совершенно определенно можно утверждать, что конверт пахнет смесью кофе «Рабуста» и «Магараджа». Мы привлекали для этого эксперта-дегустатора. Кроме того, на конверте обнаружались микроскопические частицы джутовых волокон.

– То есть конверт некоторое время лежал поблизости от мешков с кофе, – резюмировал Маркиз.

– Причем кофе дорогого, такой не подают в первой попав-

шейся кафешке в России, – подала голос Лола из кресла.

– Вряд ли вам много это дает, – откликнулся Вольф и снова поморщился, глядя на Лолу. – Значит, я передаю вам всю информацию, которая у меня есть: адрес бывшего мужа Монники Антона Кузовкова, копию снимка, номер районного отделения милиции, которое занималось делом о смерти Монники, кстати, вот протокол первичного осмотра тела и вообще краткое изложение происшествия.

– Так-так... – Маркиз пробежал глазами бумагу, – значит, ехала одна... не вписалась в поворот, шоссе было мокрым... в машине больше никого не было... а она была пьяна... Классический случай!

– Вам понадобится какое-то жилье на первое время? – спросил герр Вольф. – Вы ведь боитесь появляться в своей квартире?

– Ну... только на первое время... а дальше как-нибудь устроимся.

– Вот номер мобильного телефона. Вам нужно звонить туда каждый вечер и докладывать о проделанной работе.

Лола фыркнула в кресле, но Вольф никак не отреагировал.

– Я ухожу, – сказал он, поднимаясь, – через два часа вам принесут документы, билеты и деньги на расходы – по пять тысяч долларов на человека. И надеюсь, вы понимаете, что пытаться бежать от нас в России более чем глупо: у нас и там очень большие связи, кроме того, я знаю, что у вас были

на родине определенные неприятности, и для вас же лучше скорее оттуда уехать.

– Постойте, – встрепнулся Маркиз, – мы не выяснили самого главного. Значит, мы должны найти девушку или привезти неоспоримые доказательства ее смерти, так?

– Так.

– А потом? Вы отпустите нас восвояси? Снимете с нас обвинение в убийстве?

– Разумеется, – Вольф махнул рукой, – это не проблема.

– А гонорар? – встряла Лола. – Папаша Тизенхаузен заплатит нам гонорар? Или это сделает ваша страховая компания?

– Разумеется, – ответил Вольф уже в дверях, – двести тысяч долларов вас устроит?

– Сколько же они отвалили папаше за смерть доченьки, небось не меньше миллиона? – удивленно произнесла Лола.

Ей никто не ответил, потому что Вольф уже ушел, а Маркиз так задумался, что не слышал вопроса.

«Все это полная фигня, – думал Маркиз, – и то, как легко он согласился снять с нас обвинение, и то, что пообещал солидный гонорар. Как только мы выполним задание, он сразу же потеряет к нам с Лолой всяческий интерес. И если бы не было убийства, то можно было бы попробовать выкрутиться. Но ведь убийство Шульца в самом деле имело место! Я видел собственными глазами, что он мертв! А это значит, что немецкая полиция не успокоится и будет искать убийцу.

И кто же им помешает потом свалить все на нас? Вольфу это даже выгодно, не нужно будет платить гонорар. Да, но мы можем рассказать в полиции кое-что про эту историю, папаша Тизенхаузен будет не в восторге... И чтобы этого не допустить, Вольф может... ведь пошли же они на убийство Шульца! Ох, как же мне это дело не нравится!.. И Лолка явно тоже кое-что понимает, оттого и задает вопросы, чтобы я наблюдал реакцию Вольфа».

Он поднял глаза и поглядел на Лолу.

– Ничего, девочка, прорвемся как-нибудь. Значит, нам велено сидеть здесь и ждать, когда принесут билеты и деньги.

Маркиз открыл двери. В коридоре гостиницы никого не было.

– Знаешь, пойду-ка я прогуляюсь, – проговорил он, – а ты понаблюдай из окна...

Как только Маркиз вышел из гостиницы, Лола подошла к окну и стала наблюдать за улицей сквозь тонкую занавеску. Никто Леню не остановил, не приказал вернуться, но какой-то человек на противоположной стороне улицы лениво оторвался от доски с афишами и не торопясь пошел в ту же сторону, что и Леня.

Лола скинула халат, под которым оказались джинсы и футболка. Сунув ноги в кроссовки, она накинула легкую куртку. Затем открыла окно в ванной комнате и перебралась с подоконника на пожарную лестницу, проходившую в полу-

метре от окна. Через полминуты она была в переулке позади гостиницы, а еще через минуту остановила такси и назвала адрес на Магнусштрассе.

Маркиз не сомневался в том, что за ним установлена слежка, и не собирался от нее полностью отделаться – кроме того, что это было практически невозможно, учитывая вовлеченные в игру силы, он не хотел раньше времени вызывать гнев всемогущего герра Вольфа. Ему нужно было всего только пять минут свободы от наблюдения.

Леня начал с того, что вычислил свой «хвост». Это было нетрудно, поскольку агент Вольфа почти не скрывался. Маркиз заметил его отражение в лакированном, сверкающем, как зеркало, крыле серебристого «Ягуара», потом – в зеркальной витрине обувного магазина «Cinti». Это был невзрачный немец с короткой стрижкой, толстой шеей любителя пива и блекло-голубыми глазами. Таких на улицах Кельна тысячи, единственное, что выделяло агента из толпы ему подобных, – цветной шелковый шейный платок. Яркая деталь, недопустимая для агента наружного наблюдения.

Маркиз вклинился в шумную толпу загорелых американских туристов, послушным стадом следовавших за своим гидом и оглядывавших окружающие достопримечательности с характерным для американцев выражением «А-не-купить-ли-это».

Некоторое время потолкавшись среди янки, Маркиз рез-

ко вынырнул из их отары и быстрым шагом свернул в переулок. Остановившись через несколько минут перед витриной, заполненной разнокалиберными флакончиками «Кельнской воды», он окинул взглядом отраженную в стекле улицу и почти сразу заметил мелькнувший в толпе шейный платок.

Вторую попытку оторваться от «хвоста» Леня предпринял, поравнявшись с одним из многочисленных соборов – не тем величественным Собором с большой буквы, который царил над городом наподобие великолепного каменного фонтана, а вполне заурядным католическим собором двухсотлетней выдержки.

Внутри храма шло богослужение, было довольнолюдно, что играло Маркизу на руку. Протиснувшись среди усердно молящихся упитанных фрау и вызвав их недовольные косые взгляды, Леня скользнул за массивную колонну и затаился, дожидаясь, когда его упорный белобрысый спутник появится в поле зрения.

Его все не было и не было, и Маркиз удивленно подумал, что «хвост» отцепился от него в толпе. Выждав для верности еще несколько минут, Леня направился к боковому выходу из храма. Оказавшись на улице и подслеповато прищурившись на солнце, особенно ярком после полутьмы собора, Маркиз почти сразу заметил на противоположной стороне улицы знакомый шейный платок.

Немец невозмутимо жевал гамбургер, одновременно

уткнувшись в развернутую спортивную газету, что нисколько не мешало ему следить за выходом из собора. Маркиз отметил высокие профессиональные достоинства наблюдателя, который не стал даже соваться в храм, заранее просчитав Ленину стратегию, и спокойно ждал его на выходе.

Такое профессиональное наружное наблюдение, конечно, никак не вязалось с легендой «страховой компании» и гораздо больше подходило серьезной спецслужбе.

Маркиз неторопливо побрел по улице, обдумывая свой следующий ход, и «хвост» двигался за ним как пришитый, дожевывая свой гамбургер. Лене внезапно тоже захотелось есть. Он зашел в небольшое кафе, взял кружку пива и пару бутербродов. «Хвост» прохаживался по противоположной стороне улицы, время от времени поглядывая на окна закусочной, где, судя по всему, достаточно отчетливо были видны силуэты посетителей.

Допив свое пиво, Маркиз встал и решительно направился за стойку кафе. Рослый широкоплечий кельнер заступил ему дорогу, но Леня с отеческой улыбкой протянул ему двадцатидолларовую бумажку, и детина скромно отошел в сторонку, забыв, что когда-то возражал против посещения туристами внутренних помещений своего заведения.

Леня проскользнул по узкому коридору и оказался на кухне. Здесь хозяйничал пузатый лысый немец с голыми по локоть волосатыми руками. Увидев на кухне посторонних, он разразился длинной неудобопонятной немецкой фразой, но,

увидев в кармашке своего фартука зелененькую двадцатку, добродушно улыбнулся и просил любознательного господина заходить к нему как можно чаще.

Леня выскочил в переулок и припустил в сторону центра города, где всегда легче затеряться среди праздной толпы туристов. Он рассуждал очень просто: его преследователь, как человек подневольный, вряд ли будет так швыряться деньгами, и поэтому славные работники немецкого общепита вряд ли будут к нему так благосклонны, как к щедрому Маркизу, а учитывая всеобщую нелюбовь к разного рода шпикам, еще и по морде могут засветить. Во всяком случае, несколько раз проверив улицу у себя за спиной, Леня не увидел «хвоста».

Теперь он приступил к тому, ради чего и затеял всю эту беготню по улицам Кельна. Зайдя еще в одно кафе, заказал кружку пива (благо пиво в Кельне отличное, и выпить пару кружек этого божественного напитка сам Бог велел) и попросил у рыжего усатого кельнера разрешения воспользоваться его телефоном. Увидев традиционную двадцатку у себя на стойке, кельнер пожал плечами, пробурчал «Нет проблем!» и протянул Лене трубку бесшнурового телефона. Леня набрал мюнхенский номер своего давнего знакомого Лангмана, сотрудника Баварской страховой компании, который многим был обязан Маркизу. Лангмана, конечно, не было в офисе, но, заподозрив в Лене потенциального клиента, секретарша перевела его звонок на мобильный телефон. Маркиз назвал себя, выслушал радостное приветствие обычно весьма

сухого и сдержанного Лангмана и задал ему пару вопросов. Услышав уверенные ответы старого знакомого, он немного помрачнел. Впрочем, ответы Лангмана только подтвердили его собственные подозрения...

Закончив разговор и допив пиво, Маркиз покинул кафе и, снова смешавшись с толпой туристов, ушел от него как можно дальше: он не хотел, чтобы всемогущий герр Вольф выяснил, откуда он звонил, и проследил его звонок.

Аккуратная немецкая старушка в мелко завитых подкрашенных букольниках, увидев Лолу, изменилась в лице.

– О майн готт, фрейлейн! – воскликнула она голосом трагической актрисы, по ошибке заглянувшей в бордель. – Какое счастье, что вы наконец пришли! Мы больше не в состоянии выносить ваше чудовище! Это просто исчадие ада! Мой персонал на грани увольнения! Они требуют надбавки за вредность, как шахтеры или работники атомных станций! Они угрожают мне профсоюзом! А ведь это были энтузиасты, обожающие животных!

– О ком вы говорите? – воскликнула Лола. – Уж не о моем ли ангеле? Не о моем ли маленьком Пу И?

– Я говорю о вашем маленьком монстре! О вашем серийном убийце! О вашем сексуальном маньяке!

Если старушка, содержательница дорогого и комфортабельного пансиона для домашних животных, в котором жители Кельна могли оставить своих любимцев на время уик-энда или отпуска, черпала свое трагическое вдохновение из

естественного источника – простого и горячего чувства, то в лице Лолы она столкнулась с настоящим профессионалом. Лола вспомнила неудачную постановку «Федры», встала в классическую позу, воздела руки к потолку, призывая античных богов в свидетели своей правоты, и заголосила так, что весь персонал пансиона, еще не уволившийся и свободный от кормления и купания собак, овец и крокодилов, собрался в дверях приемной, чтобы поглазеть на бесплатное шоу.

– Мой бедный песик, – воскликнула пропавшая в душе Лолы великая актриса, – мой бедный маленький Пу И только по недоразумению, только по ошибке Провидения попал в этот грешный мир! Безусловно, он должен был родиться ангелом и бегать среди райских кущ, оглашая их своим мелодичным твяканьем и поднимая ножку на... финики и сикоморы, – Лола не смогла вспомнить никаких других растений, подходящих для рая, – мое маленькое сокровище осчастливило эту планету своим присутствием, а вы еще смеете клеветать на этого праведника!

Кудрявая старушка не собиралась отступать перед напором молодости и профессионализма. Она набрала полную грудь воздуха и вступила в драматический поединок:

– Вы называете праведником это чудовище, которое, несмотря на свой малый рост, пыталось обесчестить нюу-фаундленшу фрау Хоппенштюппель? Вы называете ангелом этого зверя, который разорвал ухо ротвейлеру герра Попперштоппера? Вы называете милым малышом ужасное со-

здание, с которым не могли справиться два сильных польских гастарбайтера? Герр Макульский, покажите, пожалуйста, свой палец!

Из толпы жмущихся в дверях заинтересованных зрителей вышел двухметровый верзила и предъявил для всеобщего обозрения туго забинтованный указательный палец.

– Ха-ха-ха! – изобразила Лола короткий приступ саркастического смеха. – Ваш наймит наверняка показывает свой несчастный палец по десять раз на дню сотням ваших доверчивых клиенток, каждый раз сваливая вину за эту травму на их ни в чем не повинных собачек! Да еще надо проверить, есть ли там что-нибудь под этой дурацкой повязкой! И не сам ли он себя укусил за палец! Судя по его зверскому виду, он вполне на это способен! И как вообще можно доверять домашних любимцев людям с таким пугающим обликом! У бедных собачек и кошечек может быть нервное потрясение от одного его внешнего вида! Я не удивлюсь, если у него уголовные наклонности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.